

Мария Ахметова

Выбор «между Петербургом и Москвой», или дискурс о двух столицах в г. Бологое

Город Бологое в Тверской области находится на середине пути между Петербургом и Москвой. Срединное положение является его своего рода визитной карточкой, благодаря которой он известен большинству жителей России¹. Многие имеют представление, что в Бологое² практически одновременно останавливаются поезда из Москвы и Петербурга. Это неудивительно: от Москвы до Бологое 331 км, от Петербурга — 319. Равноудаленность подчеркивается и официальной топонимикой Бологое, на его карте есть и Московская, и Ленинградская улицы, которые симметрично расходятся от вокзала в разные стороны, параллельно железнодорожным путям, ведущим в направлении этих городов.

Мария Вячеславовна

Ахметова

Журнал «Живая старина»,
Москва

Логично было бы предположить, что отношение самих бологовцев к обеим столицам

¹ О топосе срединности, важнейшем в культурном «бологовском мифе» и определяющем его место в русском культурном ландшафте, см.: [Ахметова, Лурье 2005; 2006].

² По правилам русского языка топоним Бологое склоняется как прилагательное ср. рода (творительный падеж: в Бологом и т.д.). Однако он не склоняется в речи местных жителей (что можно увидеть в цитируемых отрывках из интервью) и в местной периодике — эта разница отчетливо осознается и даже может быть объяснена. Автор оставляет за собой право в данном случае следовать локальной языковой норме.

будет примерно одинаковым или что при равных возможностях миграции они предпочтут Москву как столицу, предлагающую самые разные перспективы. Однако беседы с бологовцами¹ демонстрируют иную картину: и миграционные предпочтения, и рассуждения о двух столицах свидетельствуют об ориентации на Петербург.

Как представляется, отчасти это обусловлено исторически. Бологовские земли издревле административно относились к северо-западным регионам России и иногда подчинялись непосредственно северной столице. С XV по начало XX в. село, затем поселок, затем город (с 1917 г.) Бологое попеременно относится к новгородским землям, Ингерманландской губернии, Новгородской провинции Санкт-Петербургской губернии; Валдайскому уезду Новгородской губернии, с 1927 по 1935 г. — к Боровичскому округу Ленинградской обл. и лишь в 1935 г. передается в состав Калининской (теперь Тверской) обл. Между тем расцвет Бологое как поселка связан со строительством в середине XIX в. железной дороги между Петербургом и Москвой, что обусловило приток специалистов из Петербурга, где традиции транспортного образования были заложены почти на сто лет раньше, чем в Москве (Институт корпуса инженеров путей сообщения в Петербурге основан в 1809 г., а Московское инженерное училище путей сообщения — в 1896 г.).

Железная дорога обеспечивала работой значительную часть жителей Бологое, с середины XIX в. манифестировавшегося как пристанционный поселок, а позднее — как город железнодорожников; наиболее престижной и высокооплачиваемой в городе всегда была профессия машиниста. Важно и то, что станция Бологое относится к Октябрьской (до революции — Николаевской) железной дороге, управление которой всегда осуществлялось из северной столицы, поэтому, в частности, именно в Ленинград в 1926 г. был переведен первый бологовский железнодорожный техникум. Иными словами, тяготение к Петербургу было предопределено привязанностью к северо-западу региона, к Петербургу-Ленинграду и Октябрьской железной дороге.

Предметом данной статьи будет отраженный в бологовской «устной истории» дискурс о двух столицах, отчасти включающий бологовский «миграционный текст». По определению автора термина, миграционный текст представляет собой «совокупность текстов, которые аккумулируют и осмысливают реальный опыт переселений и поведенческие стратегии. Это рассказы о

---

¹ В статье были использованы материалы шести межвузовских экспедиций в г. Бологое и Бологовский район (2004–2006 гг.).

переездах, добровольных или насильственных переселениях, рассуждения о положительном или печальном опыте переменных места жительства, оценочные высказывания о людях, которые уехали или, напротив, отказались покинуть родные места и т.д.» [Разумова 2004: 7]. Важно, что миграционный текст не только указывает на миграционные настроения и установки сообщества, но и влияет на них, выстраивает миграционное поведение как индивидов, так и целых семей. Очевидно, что он может отражать не только реальный опыт и основанные на нем поведенческие стратегии, но и культурные стереотипы.

В целом восприятие провинции как «глуши», из которой необходимо уехать, традиционно для русской культуры. Так и бологовцы, описывая положение в родном городе, часто упоминают распространенные маркеры русской провинциальной жизни — пьянство, бедность, бескультурье, скуку и т.д.:

На глазах гибнет городишко <...> Безработица <...> Рабочие по три месяца, по четыре зарплаты не получают (муж., около 75 лет).

Молодежи вообще вот здесь делать нечего здесь. Скучно, наркомания... Пиво, водка, всё пьют уже. Не танцуют, ничего [интервью было взято на праздновании Дня молодежи летом 2006 г., на танцплощадке с пустой эстрадой, среди пьющей пиво молодежи. — М.А.]. Пойти некуда. Нету, нету спортзалов, ничего нету. Культурнее даже ничего, культуры, ничего нету... (муж., 41 год, проводник).

Отсутствие перспектив предполагает необходимость уехать туда, где они есть, где «настоящая жизнь». По рассказам, ехать учиться, жить, работать бологовцы предпочитают в северную столицу; многие опрошенные упоминали о родственниках в Петербурге, в то время как московских родственников было существенно меньше. Идея, что уезжать надо именно в Петербург, часто сама собой разумеется; «уехать из Бологое» нередко значит «уехать в Питер»:

У меня ребенок... вот четвертый год, куда он пойдет? Я даже боюсь. Только чтоб в Питер куда-нибудь учиться. Здесь он пропадет (муж., 41 год, проводник).

Часто предпочтение миграции в Петербург объясняется тем, что там можно получить профессиональное образование и работу по железнодорожной специальности (видимо, в Московский институт инженерного транспорта, сейчас Московский государственный университет путей сообщения, поступить сложнее, чем в аналогичный питерский вуз). Нам рассказывали о ленинградском железнодорожном училище, где чуть ли не все учащиеся — выходцы из Бологое и окрестных деревень.

В рассказах о распределении на работу или дальнейшую учебу в советское время также упоминается в основном Ленинград, Ленинградская область и северный регион вообще:

Многие у нас железнодорожники уехали вахтенным методом работать под Ленинград где-то <...> У нас во все концы вот это распределение по всей России. Там и на север, и туда и сюда распределялось вообще (жен., около 45 лет).

Вот с чего могла начаться карьера машиниста:

После того как кончили, допустим, стройтехническое училище наше, местное. Поработали какое-то время. Посылают в Ленинград (муж., 47 лет, машинист).

Северная столица воспринимала Бологое как своего рода собственную «сферу влияния». Бологовцы рассказывают о ленинградцах или выпускниках ленинградских вузов, которые в советское время приехали в Бологое по распределению и так здесь и осели. В военное время сюда было эвакуировано из Ленинграда управление Октябрьской железной дороги. А в начале 1980-х для работы на бологовском арматурном заводе ссылали «за сто первый километр» судимых из Ленинграда (сообщение жен., 61 год, работала учительницей).

Тяготение к Петербургу, в свою очередь, обуславливает и ценностные ориентиры бологовцев. Факт, что Бологое на несколько километров (точное число обычно мало кто помнит) ближе к Петербургу, становится значимым и особо оговаривается. Пространственные характеристики, таким образом, накладываются на аксиологические:

Мне кажется, что больше к Питеру относится. [А почему?] Да что-то считалось, хотя мы примерно посередине, Бологое между ими двумя, но все-таки ближе к Питеру. Там на 20 с чем-то километров. Ну и вот все больше, я, допустим, тоже больше люблю Питер, чем Москву (муж., 55 лет, машинист).

Или еще более красноречивое объяснение, почему едут в Питер:

Просто ближе гораздо к Питеру. Здесь это от Москвы очень далеко. Только кажется, что близко. Поэтому все, как правило, все едут именно туда (жен., около 30 лет).

Кстати, по мнению той же информантки, Бологое и Питер связывают особого рода социальные отношения, даже более тесные, чем с областным центром — Тверью:

Просто там гораздо проще устроиться. Половина идет действительно в проводники, а половина <...> в питерскую бандитскую мафию. [А в тверскую?] Тверь непрестижна <...> Я просто, судя

по тому, что у меня двоюродные братья тоже — они первым делом, естественно, в Питер. Там нужно засветиться. То есть там создается положение какое-то, вот, у человека. И он уже с этим положением едет сюда и здесь диктует свои правила. То есть если он уже засветился в Питере и сделал там себе какую-то карьеру, пусть там, может, и что-то закончил там, и действительно нашел какое-то там вот покровительство в каких-то определенных кругах, или вошел в какую-то такую компанию, то он потом приезжает сюда и здесь может, естественно, какую-то иерархическую лестницу себе здесь строить (жен., около 30 лет).

При этом почему именно Питер — понятно: Тверь «непрестижна», а Москва «далеко».

Привлекательности Петербурга находятся разные объяснения. Для интеллигенции (учителя, краеведы, сотрудники музея) достоинством северной столицы является обилие музеев и образованность петербуржцев. Художник из Березайки Бологовского района (муж., 51 год) подтвердил близость Бологое к Петербургу тем, что в бологовском музее часто выставляются работы питерских художников.

Значимо и представление о воспитанности жителей Питера — «культурной столицы»; эти же признаки бологовцы стремятся приписать себе:

И в Ленинграде есть люди, чё ни спросишь, они объяснят. Чего не скажешь. Это и у нас всякий бывает. Объяснят, и покажут, и расскажут, и у нас так же. Ну, не знаю, если когда чё спрашиваю, мне всегда всё объясняют (жен., 1928 г.р., работала учительницей).

Как известно, один из критериев бытовой «культурности» — это способность правильно и вежливо объяснить дорогу приезжему. В этом смысле Москва оказывается дискредитированной в глазах бологовцев:

Москва опозорилась. Я спросила, как быстрее доехать до Третьяковки. Женщина там стояла — показала мне не в ту сторону. Я путалась, путалась, пока, наконец, не достигла (жен., 84 года, работала учителем).

(Здесь примечательно, что москвичка неправильно показывает дорогу к Третьяковской галерее — культурному объекту.)

Петербург гостеприимнее Москвы, причем даже метафорически, и в этом он также сродни Бологое. Например, машинист (1956 г.р.) рассказывал, что железнодорожная столовая, где можно поесть после рейса, есть в Бологое и в Питере, а в Мос-

кве только кухня, где голодному железнодорожнику предложат разве что микроволновку и чайник «Тефаль».

Жизнь в Петербурге более размеренна и упорядочена, чем в Москве:

Ну Питер, вот я любил его. В молодости побродить. Очень красивый город такой, более упорядоченный. Москва какая-то, я не знаю, может, это мое мнение, такая бестолковая (муж., 55 лет, машинист).

Здесь мы обнаруживаем традиционное для провинциального дискурса неприятие крупного города как хаотичного, с невыносимо быстрым ритмом жизни.

Наконец, Москва, несмотря на свой столичный статус, оказывается грязнее культурного Петербурга:

В Москве грязный город. Питер почище уже (муж., 41 год, проводник).

Духовное богатство Петербурга противопоставляется столичной меркантильности. Показательна оговорка информанта, по ошибке отнесшего к Питеру один из главных московских музеев:

А Питер — там это есть, это, поменьше там, это, миллионов. Там есть куда... Третьяков...[ская галерея], это, пойти хоть куда. Москва — это уже всё. Рынок, рынок. Один рынок везде (муж., 41 год, проводник).

Богатство столицы оборачивается еще одним минусом: жить в ней просто не по карману, и попытка миграции заканчивается неудачей:

Ну, в Москве, например, мы не могли учить мою внучку <...> Ну, потому что у нас не было средств, у бологовских жителей, мы не могли. Хотя она училась в государственном университете. Но там не было общежития. И нужно было... плата за общежитие очень большая. Три года отучилась девочка без всяких хвостов, пришлось нам взять ее домой (жен., 73 года, работала воспитателем в детском саду).

Иногда стереотип, что Петербург лучше и уезжать следует именно туда, может не находить конкретного объяснения. Мы беседовали с тремя девятиклассниками, один из которых сказал, что после школы собирается в Питер, и на вопрос, почему, подростки наперебой стали говорить, что «Москва — это не знаю что», «Москва — это гадость», «в Питере приятнее» и т.д., пока наконец один из них не смог внятно объяснить: «Для меня Питер роднее, потому что у меня там работает отец»; остальные, не задумываясь, воспроизводили стереотип.

Другой информант, вполне взрослый, в ответ на вопрос, какая из столиц лучше, ответил:

По душе Питер, конечно. А так — Москва (муж., 41 год, проводник).

Но когда его попросили объяснить эту фразу, он произнес длинный монолог о том, что Питер культурнее и чище Москвы, но чем именно хороша Москва, осталось за скобками.

Тяготение к северной столице обнаруживается даже в речи бологовцев. Жители Бологое и ориентированных на него окрестных деревень и поселков (Дубровка, Березайка, Мшенцы), упоминая в едином контексте обе столицы, чаще склонны ставить на первое место Петербург/Питер/Ленинград, а на второе — Москву. Так, в интервью¹ с 29 информантами разного образовательного уровня и социального положения от 16 до 78 лет фразы наподобие *от Питера до Москвы*, *Питер и Москва* и т.д. встречаются 44 раза, то есть в полтора раза чаще, чем *от Москвы до Питера*, *Москва и Питер* и т.д. (28 раз; см. таблицу)².

№	Ленинград–Москва	Москва–Ленинград
1	<i>Это там, где кончается город в сторону трассы Ленинград–Москва</i>	<i>Туда ездили на машинах, с Москвы, с Питера приезжают.</i>
	<i>Мы же как на середине между Ленинградом и Москвой.</i>	<i>...Когда проезжали мы по трассе Москва–Ленинград...</i>
2	<i>Ну сколько поездов, и не пересчитать. Да, щас они ездят из Питера в Москву.</i>	
3		<i>Находится на центральной улице вот этой, дороги этой, Москва–Ленинград...</i>
4	<i>Здесь останавливались все поезда, которые шли, а их было — один с Питера шел, а другой — с Москвы.</i>	

¹ При подсчете не учитывались высказывания, описывающие конкретные реалии (например, в рассказах о крушении следовавшего из Ленинграда в Москву скорого поезда «Аврора», которое произошло в 1988 г. на перегоне Бологое–Березайка).

² Показательно следующее: две информантки были склонны к более частому упоминанию в первую очередь Москвы (7 на 1 и 3 на 0); у первой в Москве жили родственники, а вторая в противовес общему мнению отдавала предпочтение Москве: «Бологовцы, мне кажется, больше почему-то любят Питер. А я... Мне вот больше нравится Москва» (жен., около 40 лет, учитель). Впрочем, противопоставив Петербург как «город-музей» с низким небом над ним «легкой» Москве, информантка отметила, что по характеру питерцы все же лучше москвичей.

	<i>Она [станция] стоит не на обочине дороги, а среди двух дорог, где одновременно останавливаются поезда с Петербурга и Москвы.</i>	
5		<i>Бологое-то железнодорожный узел — всё ушло в Москву, в Петербург...</i>
6	<i>Я хочу туда поехать или ксерокопии снять, чтобы или в Питере, или в Москве сделать переводы...</i>	<i>А то люди приезжают из разных мест, с Волочка, из Твери, с Москвы, из Питера, из Воронежа, из Мурманска</i>
	<i>Приезжие из Питера, из Москвы, там это иногда из Твери приезжают, бологовские...</i>	
	<i>Весь бюджет уходит в крупные города, в Питер, Москву, провинции ничего не достается...</i>	
7	<i>В основном в Санкт-Петербурге учатся [те, кто родился] в Бологовском районе, в железнодорожном университете, в Твери, кто в Москве.</i>	
	<i>[уезжают] В Питер, в Москву на стройки.</i>	
8	<i>Они уезжают. У кого есть возможность — в Ленинград, в Москву.</i>	
9	<i>Ну, «Красная стрела», она в основном грузится с Питера. До Москвы, или с Москвы до Питера.</i>	<i>Ну, в общем, товарный за товарным вот идет <...> Москва, Питер.</i>
		<i>Тракт еще был, тракт. Из Москвы в Ленинград люди ездили</i>
10	<i>Многие вот в Ленинград едут. Бывшее железнодорожное управление. Вот, а в Москву-то мало едут</i>	<i>Да а мы при советской власти ездили в Москву и... Рюкзак или мешок вещевой на плечо — и или в Питер, в Ленинград, или в Москву, за колбасой.</i>
11	<i>В 1851-м году дали эксплуатацию железной дороги Ленинград—Москва.</i>	<i>Возьми зарплата Москвы, Ленинграда, даже Калинин, Новгорода, они ж гораздо весомее</i>
	<i>А то вишь, до сих пор продают, в Ленинград, в Москву.</i>	

	<i>Варили творог, и всё это шло в Ленинград, в Москву, у нас, у нас не оставлялось.</i>	
	<i>Вообще, через Бологое ведь всё правительство проезжало. Между Ленинградом и Москвой-то они как-то общались.</i>	
	<i>Уже Октябрьская [дорога], Петербург, э... Санкт-Петербургская, Петербург-Москва была построена...</i>	
	<i>Они приезжают там на день, на два, на три. Пожалуйста, там вот это всё. Из Ленинграда, из Москвы.</i>	
12		<i>От Москвы до Питера вот на этом самом — 9000 билет, с человека.</i>
		<i>Эта железная дорога. От Москвы до Питера.</i>
13	<i>Ну у нас банд-то не было никаких <...> Это не Ленинград, не Москва, не Тверь.</i>	
	<i>Не надо и Ленинграда, не надо и Москвы, тут и кадров хватает...</i>	
	<i>Надо бы основное депо сделать на Октябрьскую дорогу между Ленинградом и Москвой в Бологое.</i>	
14	<i>Вы захотите куда-то отправить чего-то, с Ленинграда в Москву...</i>	
	<i>304 километра с Ленинграда до Бологое, и 310 километров, считай, с Москвы было до Бологое.</i>	
	<i>Ленинград — одно направление, Москва — другое.</i>	
15	<i>У нас, в нашей [дороге] Ленинград-Москва-Торбинский подъем.</i>	
16	<i>Холодно, ездить-то холодно. А попробуй до Ленинграда, до Москвы ехать</i>	<i>Это как мы в Москву приезжаем, и вот ночью, обычно мы в Москву-Ленинград ночью приезжаем</i>

	<i>Бологовские-то вообще все уехали в Ленинград. Да в Москву.</i>	<i>Вон они с Москвы ездят, с Ленинграда очень работают здесь</i>
17	<i>Соединяли, работали, и с Ленинградом, и с Москвой, и с Калининском, и станции маленькие даже.</i>	
18	<i>Потому что поезда идут, скажем, с Ленинграда, в такое время, что... что до нуля уехать надо пассажирам.</i>	
19	<i>С Окуловки на ней вот, и на ту дорогу, Ленинград—Москва</i>	
	<i>Вот эта шоссейна дорога Ленинград—Москва.</i>	
20	<i>Он как бы её... прошелся вот по городам, которые идут на Санкт-Петербург и на Москву.</i>	<i>От щита, это который ведет от нас до дороги Москва—Петербург.</i>
		<i>Вот эта страшная разухабистая дорога, вот, когда из Москвы едете в Петербург...</i>
		<i>Чем настоять на [трассе] Москва—Петербург продавать, лучше бы здесь реализовывал.</i>
		<i>Это вот как выезжаешь с шоссе Москва—Петербург...</i>
		<i>Дальше от нас близко Новгород, Псков, Москва, Петербург.</i>
		<i>Столичная здесь я, а вы — два пригорода, Москва и Петербург.</i>
		<i>Мы жили всю жизнь за счет того, что ездили в Москву и Ленинград.</i>
21	<i>У меня ребенок <...> куда он пойдет? Я даже боюсь. Токо чтоб в Питер куда-нибудь учиться <...> [А почему в Питер?] А потому что или Питер или Москва...</i>	<i>Хотя приезжих у нас много. [Откуда?] Москва—Ленинград.</i>
	<i>Большинство все работают хорошо. Питер—Москва</i>	

22	<i>Вы знаете, у нас приезжают с Питера, с Москвы, и у нас спрашивают: «Когда этот праздник?»</i>	
23	<i>С Ленинграда там в Москву, уже мало этого идет на ветке распределения уже.</i>	
24	<i>Я посмотрю, говорит, вот влево — там пригороды Петербурга видно. Я, говорит, посмотрю направо — там пригороды Москвы видно.</i>	<i>«А что это за город?» — «А вот, — говорит, — город как раз вот посередине как раз между Москвой и Питером.</i>
25		<i>У меня вот очень много и друзей и родственников вот в той же Москве, в том же Питере...</i>
		<i>Дорога ведет вот на Куженкино, на трассу Москва—Ленинград.</i>
		<i>А потом уже по возможности, когда уже подрастают, — в Москву и в Питер</i>
26	<i>Это паровоз такой. Который с Питера на Москве идет четыре часа.</i>	
27	<i>Знаете, как только построили железную дорогу, сюда стали приезжать люди из Петербурга, из Москвы.</i>	<i>У меня мысль такая, давно пишется, написать в Москву, скажем так, в общество театроведов, то есть театралов, и в общество театралов Петербурга</i>
	<i>Я своих детей возжу в Ленинград и в Москву каждую осень</i>	<i>В любое время поехал в Москву, в любое — в Ленинград.</i>
	<i>Дело в том, что Бологое — это точно посередине между Ленинградом и Москвой.</i>	
28	<i>Мы готовим [проводников] не для Бологое, естественно, а Питер, Москва...</i>	<i>Потому что еще в 1851 году было открыто прямое сообщение Москва—Петербург</i>
29	<i>Вот у нас уже Европа, да, немножко [офис Билайн]. Вон видите уже? Или Петербург, или что-то. Москва.</i>	

Конечно, вряд ли стоит отрицать влияние на эту речевую особенность и представления о том, что Октябрьская железная дорога ведет из Петербурга в Москву, и всем известного со школь-

ной скамьи названия книги Радищева, а возможно, в первую очередь — строк из популярной песни ВИА «Веселые ребята»: «Бологое, Бологое, Бологое // Это где-то *между Ленинградом и Москвой*»; песня эта является предметом большой гордости бологовцев. Но, как известно, при перечислении нескольких предметов/явлений на первое место в высказывании ставится то, что более актуально/приоритетно для говорящего, по крайней мере в русском языке (см.: [Лауфер 1987]).

Негативное отношение к столице подогревается и тем, что из Бологое в Москву перевели управление участком железной дороги — в связи с приватизацией, как объясняют бологовцы. По рассказам, это повлекло за собой последствия от вполне реальных (сокращение штатов) до мифических (уменьшение количества поездов, утеря городом статуса крупного железнодорожного узла и т.д.). В этом бологовцы обвиняют различные силы, от «новых русских» до московского руководства. Здесь мы видим реализацию популярного в антистоличном дискурсе мотива «Москва выкачивает средства из всей страны». В то же время рассказы о поездках за продуктами в годы дефицита не содержат негодования по поводу того, что крупный город грабит провинцию, как представляется, во многом потому, что «за колбасой» ездили в обе столицы (Ленинград и Москва присутствуют в трех рассказах, еще в одном — только Ленинград). Например, обычный сюжет воспоминаний: в Бологое есть мясокомбинат и молокозавод, бологовцы ездят в Ленинград за бологовской колбасой, а в Москву — за бологовским маслом. Но рассказчик не говорит об этой ситуации как о несправедливой, он ее объясняет, оправдывает нелегким положением на бологовском пищевом производстве, которое было вынуждено продавать продукцию в столицы.

Следует сказать, что привлекательность северной столицы вообще характерна для дискурса русского Северо-Запада и севера центральной части России. В качестве примера приведу высказывание жительницы г. Пикалёво Ленинградской обл.:

Вы ленинградцы? Вот в Ленинграде живите. Даже и не в Москву и ни в какой город <...> Лучшие Москвы намного.

Далее информантка пускается в воспоминания, что, живя в Волхове, когда она получала деньги, то обязательно ездила в Ленинград погулять и полюбоваться на него (зап. в 2001 г. Фольклорный архив Академической гимназии СПбГУ). В 1999 г. И.Ю. Назарова записала от студенток Тверского государственного университета похожие суждения о Петербурге:

[Скажите, а как вы к москвичам относитесь, как вы к Питеру относитесь?]

— Я Питер люблю!

— К Питеру, конечно!

— Питер, это да!

— К Питеру намного нежнее. Вообще, к самому городу.

— Москва — ощущение снобизма, а Питер, это...

— Для меня Москва — это не ощущение снобизма, это какой-то большой базар, просто...

— Или большой базар, или, грубее сказать, большая помойка, потому что туда стекаются все, со всей страны. Это не объект культа, это какая-то гигантская пересадочная станция, то есть люди там спуют... А Питер, вот, это культовый город, это культ уже. Культ. Культ всего, начиная от Невы, и кончая тихими какими-то улочками, каналами Грибоедова, и вообще.

— Кстати, даже от многих москвичей я слышала такое, не только от приезжих.

— Да, многие москвичи, просто, с ума сходят от Питера, и говорят — я живу в Москве, потому что здесь лучше в смысле работы, жизни, зарплаты, но Питер — это моя мечта голубая. То есть когда я много, буду много зарабатывать, я буду жить там.

Примечательно, впрочем, что Петербург выглядит привлекательно лишь в сопоставлении с Москвой. Когда речь заходит о его сравнении с Бологое, часто задействуется модель «маленький провинциальный городок и крупный столичный город», и Петербург приобретает признаки, которыми в другом контексте наделялась Москва. И признаки эти если не однозначно негативные, то в любом случае подразумевающие несправедливость ситуации:

Суета: Я вот, например, к сестре, бывало, приеду в Ленинград, в Ленинграде побуду от силы три-четыре дня и обратно хочу. В Бологое. У нас здесь как-то потише, шуму меньше (жен., 76 лет).

Дороговизна; хаотичность: У меня дочь приболевши была, — возил ее в институт в Ленинград, в Питер. Там я его и не узнал. Магазины какие попало, палатки никудышные, барахлом одним никудышным торгуют. И всё дорого (муж., около 78 лет).

Несправедливо высокие заработки: Вы можете себе позволить левый заработок, который восполнит всю эту оплату, а у машиниста его нет. Кроме основной работы. Вы это можете себе позволить, и довольно это по Питеру ощутимо (муж., 47 лет, диспетчер).

Юрушка рассказывал, были в Ленинграде, идем, говорит, по перрону, я, говорит, не знаю, что такое за перрон, ну чистехонек. И всё милиция ходит, и вот. И работает молодой мужчина. Идем вдвоем, с машинистом, два. Он и говорит: «Неужели тебе в Ленинграде не найти работы лучше, ты здесь на перроне». А он

[уборщик] так оглянулся, говорит: «А мне здесь 15 плотят, мне и хватит». Он [машинист] и за голову хватился. «А ты получаешь 15?» — «А я получаю 12» (жен., около 70 лет).

Ненормальность последней ситуации для бологовца очевидна: питерский уборщик получает больше бологовского машиниста, что особенно несправедливо, учитывая устойчивый в профессиональном дискурсе топос высоких зарплаток машинистов в советское время, не говоря уже о дореволюционной эпохе.

Подобного рода суждения не специфичны для Бологое; так, в цитируемом ниже тексте, записанном И.Ю. Назаровой от тверских студенок, Тверь оказывается «униженной» обеими столицами:

— С Тверью вообще очень интересная история, потому что тверитяне, они как бы находятся в положении, мимо них всё время проносят кусок, да? То из Питера (нрзб.) в Москву, то из Москвы в Питер. Вот. И вроде как — хлоп-хлоп-хлоп, — но что-то по дороге достается...

— При том, что Тверь никогда не возвысится ужю.

— Ну да, уже не будет, да, столицей...

— В то время, когда Москва была деревней, и Тверь была деревней, у нас существовали шансы, у Твери. Сейчас нет. Поэтому у нас вот именно фобия <...> Вот, генетическая обида...

Вполне вероятно, что культурные модели и стереотипы, связанные с восприятием различных городов, не в последнюю очередь накладывают отпечаток и на миграционный текст. На данный момент трудно сказать о подлинном соотношении числа бологовских мигрантов в Москву и в Петербург, это требовало бы отдельного исследования. Наш материал свидетельствует лишь о том, что заявляемые установки вполне могут не совпадать с реальным положением дел. Так, информант, говоривший о своей нелюбви к Москве и желавший своему сыну «только чтоб в Питер куда-нибудь учиться», на протяжении 20 лет работает в Москве, проводником на рейсе Москва—Нижний Новгород. Рассказчица, говорившая о «непрестижности» Твери, закончила один из тверских вузов и сейчас живет в этом городе. Прочитанное ниже высказывание принадлежит информантке, имеющей родственников в Москве (впрочем, и не только) и закончившей Тверской педагогический институт:

Мы всегда тяготели к Ленинграду, к Петербургу, у нас в основном-то и родственники все там. Не московской мы ориентации. И Тверь у нас как-то не в чести была (жен., 61 год, работала учителем).

Иными словами, бологовский дискурс о двух столицах, включающий устойчивые суждения о них, особенности построения

высказывания и миграционный текст, не только обусловлен историческими обстоятельствами, но и поддерживается общерусским (по крайней мере характерным для русского Северо-Запада) провинциальным дискурсом.

Библиография

- Ахметова М.В., Лурье М.Л.* Бологое: между столицей и столицей // «Во глубине России...»: Статьи и материалы о русской провинции: XIX Фетовские чтения (Курск, 7–9 октября 2004 г.). Курск, 2005. С. 165–177.
- Ахметова М.В., Лурье М.Л.* Бологое: «маленькая столица между двух столиц» // Отечественные записки. 2006. № 5. С. 297–219.
- Лауфер Н.И.* Линеаризация компонент в сочинительной конструкции // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987. С. 167–176.
- Разумова И.А.* Северный «миграционный текст» постсоветской России // Этнокультурные процессы на Кольском Севере: Сб. статей. Апатиты, 2004. С. 5–21.